

Научная статья
УДК 930.1; 316.7
doi: 10.17223/2312461X/43/9

Неопределенность темпоральных границ в исследованиях исторической реконструкции

Фёдор Владимирович Николаи¹
Артём Николаевич Маслов²

^{1,2} *Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия*
¹ *fynik@list.ru*
² *maslovartem@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается формирующееся направление исследований исторической реконструкции (reenactment studies). Анализируются три ключевые составляющие реконструкции: политическая, культурная и когнитивная. Доказывается, что последняя крайне слабо отрефлексирована в reenactment studies, которые заимствуют из популярной культуры сглаживание любых оппозиций, включая противопоставление «высокого» и «низкого», «профессиональной» науки и «популярного» мнения, что нивелирует статус академической экспертизы и делает ненужным когнитивный компонент. Именно слабая востребованность когнитивной составляющей в сочетании с игровым характером популярной культуры порождает неопределенность темпоральных границ и в самой исторической реконструкции, и в reenactment studies, максимально уравнивающих исследователя с участниками реконструкторских практик. Далее проводится сравнительный анализ методологических установок исследований реконструкции и memory studies. Основной тезис состоит в доказательстве разнонаправленности их темпоральных установок: memory studies стремятся прояснить границы между прошлым и настоящим, а исследования реконструкции – использовать и эстетически обыграть их неопределенность.

Ключевые слова: исследования реконструкции, темпоральность, культурная идентичность, исследования памяти, анахронизм

Благодарности: работа выполнена в рамках НИР Н-490-99_2021–2023 «Образы будущего и креативные практики: антропологический анализ социального проектирования и научного творчества в условиях неопределенности» на базе Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (Программа стратегического академического лидерства «Приоритет 2030»).

Для цитирования: Николаи Ф.В., Маслов А.Н. Неопределенность темпоральных границ в исследованиях исторической реконструкции // Сибирские исторические исследования. 2024. № 1. С. 125–138. doi: 10.17223/2312461X/43/9

Original article

doi: 10.17223/2312461X/43/9

The Uncertainty of Temporal Boundaries in Reenactment Studies

Feodor V. Nikolai¹,
Artem N. Maslov²

^{1,2} Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation

¹ fvnik@list.ru

² maslovartem@yandex.ru

Abstract. The article examines the emerging field of reenactment studies. Three key components of reenactment are analyzed: the political, cultural and cognitive. It is proved that the latter is extremely poorly reflected in reenactment studies, which borrow from popular culture the leveling of any oppositions, including the opposition of “high” and “low”, “professional” science and “popular” opinion. It is the weak demand for the cognitive component, combined with the playful nature of popular culture, that determines the uncertainty of temporal boundaries both in historical reconstruction itself and in reenactment studies, which maximally equate the researcher with participants in reconstruction practices. Next, a comparative analysis of the methodological settings of reconstruction and memory studies is carried out. The main thesis of the article is to prove the multidirectionality of their temporal settings: memory studies seek to clarify the boundaries between past and present, and reenactment studies seek to use and aesthetically play up their uncertainty.

Keywords: reenactment studies, temporality, cultural identity, memory studies, anachronism

Acknowledgements: The research was carried out within the project “Images of Future and Creative Practices: Anthropological Analysis of Social Design and Scholar Creativity under Uncertainty” at Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (theme No. H-490-99_2021–2023) with financial support of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Strategic Academic Leadership Program “Priority 2030”).

For citation: Nikolai, F.V. & Maslov, A.N. (2024) The Uncertainty of Temporal Boundaries in Reenactment Studies. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 1. pp. 125–138. (In Russian). doi: 10.17223/2312461X/43/9

В современной историографии активно развиваются несколько направлений, находящихся на стыке с относительно давно сложившимися *memory studies*: «живая история», исследования культурного наследия и реконструкции (англ. *reenactment studies*) (Мочалова 2020; Репина 2021; Колесник, Русанов 2022). Академические историки часто пытаются выступать модераторами многочисленных дискуссий в этой среде. Однако далеко не всегда их усилия находят отклик среди тех сообществ, культурные практики которых обладают крайне высокой степенью аффертивной вовлеченности.

В данной статье мы рассмотрим две взаимосвязанные линии различий между исследованиями памяти и реконструкции: когнитивную и темпоральную. На наш взгляд, когнитивная установка на осмысление

опыта прошлого в *memory studies* играет гораздо более значимую роль, тогда как в исследованиях реконструкции она менее отрефлексирована. Кроме того, для исследований памяти принципиально важен вопрос о темпоральной дистанции между прошлым и настоящим, тогда как исследования реконструкции эстетически обыгрывают их относительность и неопределенность.

Прежде чем перейти к содержательному анализу, отметим, что само понятие реконструкции (англ. *reenactment*) по-разному рассматривается в современных гуманитарных и исторических исследованиях (Historical Reenactment 2010). Нас, однако, будут интересовать не различие практик реконструкции, но *исследования* реконструкции как форма интеллектуальной активности на стыке академической сферы и популярной культуры. Поскольку исследования реконструкции в России лишь начинают развиваться, первая часть статьи будет посвящена обозначению их основных направлений и проблемам типологизации, обсуждаемым в зарубежной историографии. Во второй части речь пойдет о сравнительном анализе собственно темпоральных установок, характерных для *reenactment* и *memory studies*.

Три измерения исторической реконструкции: политическое, культурное и когнитивное

Как уже было отмечено выше, в отечественной историографии исследования исторической реконструкции крайне немногочисленны (Клюев, Свешников 2018, 2019). В их центре чаще оказываются медиевальные сюжеты, а сам анализ проводится скорее в социально-антропологическом ключе – с опорой на полуформализованные интервью участников движения и их дискурсивный анализ. Теоретические выводы при этом уступают место «плотному описанию», а диахронический анализ – синхроническому. Такой подход радикально отличается от бурно развивающихся за рубежом (главным образом, англоязычных) штудий, акцентирующих значимость теоретической проблематизации феномена реконструкции и критического анализа основных векторов ее развития в эпоху модерна¹. При этом на первый план часто продвигается *политический компонент* – формирование воображаемого сообщества участников и зрителей исторических реконструкций.

Эта политическая составляющая, по наблюдению профессора Ванессы Эгню, была важна на протяжении всего нового времени (Agnew 2019) – начиная с реконструкций битвы при Блэкхите «круглоголовыми» Кромвеля в 1645 г. в условиях гражданской войны. Ее прагматический заряд определялся стремлением повлиять на общественное мнение, увеличение набора рекрутов, обучение новобранцев на героических примерах их предшественников и повышение боевого духа армии (как и в военных лагерях Уорли 1778 г. и Коксхите 1779 г., где с участием армии

также разыгрывались реконструкции). Важность этих задач в эпоху модерна была связана с постепенным переходом от сословных армий «старого режима» к современным, построенным на всеобщей воинской повинности и идее гражданского равенства. Использование реконструкций (вместе с историческим романом, прессой и музеем, о которых писал Б. Андерсон) становится одним из инструментов конструирования национальной идентичности как противопоставления «своих» и «чужих». Особенно ярко национальная общность проявлялась в реконструкциях колониальных конфликтов с ориентализированными «другими», например, битвы с индейцами при Литл-Бигхорне (1876) в США или боя британских войск с зулусами в Роркс-Дрифт (1879). Другой важной составляющей такого рода реконструкций было забвение прежних политических различий между разными частями нации (например, Севером и Югом в рамках Гражданской войны в США) через валоризацию фронтовой повседневности.

Во второй половине XX в. Гражданская война в США стала центральной точкой интереса реконструкторов, фестивали которых собирали до 10 млн зрителей в год. Однако в начале XXI в. они стали вызывать гораздо меньше интереса у публики: так, в 2018 г. эти реконструкции посетило лишь 3,1 млн зрителей, т.е. аудитория сократилась примерно на 70% (Amster 2016). Это падение интереса можно объяснить в том числе своеобразной гибридизацией национальной идентичности – соединением ее с иными формами культурного опыта. Антрополог Мэтью Амстер обращает внимание на социальный состав участников реконструкций, подавляющее большинство которых – белые мужчины из низшего и среднего-низшего класса. Для них символика национального единства и мотивы «фронтового братства» предполагают борьбу за повышение своего социального статуса, пусть даже ценой частичной маргинализации других (женщин и представителей других национальных сообществ).

В этих условиях трансформации прежних политических идентичностей все большую важность для исследований реконструкции приобретает *культурный компонент*. Саймон Дьюринг, Ян Маккалман и Пол Пикеринг рассматривают возникновение реконструкции как неотъемлемую часть эстетики реализма, формирующегося еще в конце XVIII в. и в разных формах сохранившегося в различных медиа – от литературы и портретной живописи до фотографии и кинематографа позднего модерна. С этой точки зрения, для исторической реконструкции принципиально важна взаимосвязь четырех компонентов:

- связь с практиками коммеморации (подтверждающими реальность и важность прошлого для социальной группы);
- мимесис как ролевое отыгрывание или аффективное повторение прошлого, детально воспроизводимого на микроуровне;

– эмоциональный коллективный перформанс – коллективное действие, меняющее настоящее и формирующее новые социальные связи и идентичности;

– специфическое представление о философии истории – обособленности событий прошлого, которые можно «изъять» из контекста своего времени, сохранив при этом специфику исторического опыта (During 2010: 182).

Внимание к культурной сфере преобладает в англоязычных исследованиях реконструкции. Активная роль медиа, стремительно менявшихся на протяжении модерна, настолько важна, что К. Лэмб даже предлагает классифицировать все поле исследований реконструкций, опираясь на медиа, с которыми они работают: телевизионные шоу, фильмы, театральные перформансы и т.д. (Lamb 2009: 137). Однако такая классификация неизбежно нарушается совмещением разных медиа во многих реконструкторских проектах.

Например, Кристиан Виум использует реконструкцию при возвращении фотоархивов жителям верховий Амазонки для «разузнавания империализма» (Viium 2023: 55). Его проект предполагает передачу копий снимков Альберта Фриша 1867 г. потомкам изображенных на них представителей коренной народности Бразилии Кайшана и реконструкцию изображенных на фото действий после небольших театральных перформансов. Важно отметить, что этот проект включает и социально-политическую составляющую, поскольку пытается привлечь общественное внимание к требованиям возвращения земель, отобранных у локальных сообществ европейскими переселенцами XX в. То есть культурный компонент ни в коем случае не стоит противопоставлять политическому. Бренда Верт рассматривает посвященные Фолеклендской войне и политики постпамяти в Аргентине перформансы, спектакли и фильмы аргентинского режиссера Лолы Ариас, которые невозможно рассматривать как разные виды реконструкции: их объединяют общий сюжет, мизансцены и социальные установки (Wetrh 2023).

Предельно актуальным исследованием реконструкции в кинематографе представляется работа Чарли Бурмана и Бориса Нурденбоса «Насилие, травма и реконструкция в документальном кино», посвященная сравнению документального фильма «Акт убийства» (Д. Оппенхаймер, 2012) и анимационных проектов «Вальс с Баширом» (А. Фольман, 2008) и «Исчезнувшее изображение» (Р. Панх, 2013) (Voerman, Noordenbos 2023), реконструирующих позицию палачей, свидетелей и жертв массового насилия в Индонезии, Израиле и Камбодже. Д. Оппенхаймер пригласил гангстеров из «эскадронов смерти», которые в 1965–1966 гг. уничтожали коммунистов в Индонезии, вспомнить молодость и снять об этом кино. Анимационный фильм А. Фольмана посвящен ре-

конструкции его собственных (полностью вытесненных из памяти) воспоминаний о войне в Ливане 1982 г., а проект Р. Панха – гибели его семьи во время диктатуры красных кхмеров 1975–1979 гг. Главный тезис авторов данного исследования – Ч. Бурмана и Б. Нурденбоса – состоит в том, что любая реконструкция проблематизирует границы документального и художественного, пограничного опыта (который крайне трудно выразить) и конвенционального нарратива, прошлого и настоящего. Реконструкция трудных событий прошлого показывает невозможность тотального рационального контроля над историей и важность их культурной проработки. «Зритель начинает понимать, что линейный хронологический нарратив – это не просто нейтральное описание, но скорее попытка (лишь отчасти успешная) связать между собой и установить контроль над тревожными событиями, проработать их, противостоять неконтролируемому анахронизму отыгрывания» (Voerman, Noordenbos 2023: 311). Документальный фильм (в том числе анимационный) становится важным посредником, позволяющим согласовать и выстроить баланс между эмоциями и суждением, телесным опытом и когнитивными схемами его анализа.

В этом контексте важно обозначить третье – *когнитивное* – измерение исторической реконструкции, перспективы которого считаются весьма ограниченными в современных западных *reenactment studies*. Наиболее ярким и известным его примером может служить путешествие Тура Хейердала на плоту Кон-Тики из Латинской Америки в Полинезию 1947 г. и фильм Олле Нордемара, который был сделан в ходе этого путешествия и получил премию «Оскар» как лучший документальный фильм в 1952 г. Это путешествие было призвано показать не просто направление заселения Полинезии, но и эффективность ремесла, а также познавательных навыков людей прошлого.

Ярче всего когнитивное измерение исторической реконструкции артикулировано в «Идее истории» Р.Дж. Коллингвуда, который в главе «История как реконструкция опыта прошлого» отмечает, что вся история как наука строится на реконструкции логики людей прошлого и их восприятию причинно-следственных связей. То есть реконструкция важна не только для популярной культуры, но и для академической историографии. Именно принцип единства человеческого опыта делает возможным воспроизведение идей прошлого в сознании историка: «Познать мыслительную деятельность другого возможно, только предположив, что эта же самая деятельность может быть произведена в нашем собственном сознании. В этом смысле знать, “что думает другой” (или же “думал”), включает продумывание его мысли самим. Для того чтобы вообще мыслить об этой прошедшей деятельности мышления, я должен оживить ее в своем сознании, ибо акт мышления может анализироваться

только как акт. <...> Историческое знание – это тот особый случай памяти, когда объектом мысли настоящего оказывается мысль прошлого, а пропасть между настоящим и прошедшим заполняется не только способностью мысли настоящего думать о прошлом, но и способностью мысли прошлого возрождаться в настоящем» (Коллингвуд 1980: 275, 280). Точность такой реконструкции во многом зависит от степени погруженности в интеллектуальный контекст, без учета которого история превращается в «историческое воображение». Более того, именно историческая реконструкция у Коллингвуда соединяет мышление и поступок, которые и определяют историческое знание как интеллектуальную активность, не сводимую к механическому перечислению экономических факторов или статистики.

Идеи Р.Дж. Коллингвуда развивает Уильям Дрей в своей работе «История как реконструкция: идея истории Р.Дж. Коллингвуда» (Dray 1995). Исследователь отмечает, что концепция реконструкции важна не только для посмертно изданной «Идеи истории», но для всех работ Коллингвуда, начиная с 1920-х гг. Еще сильнее связывая реконструкцию с процедурой объяснения, Дрей стремится преодолеть существенный дисбаланс между пониманием и объяснением, которые активно обсуждались в аналитической философии истории 1950-х гг. В этом смысле важно подчеркнуть, что категория опыта в теоретической историографии 2000-х гг. (у Ф. Анкерсмита, М. Джея, Д. Лакапра) сохраняет свои связи с идеями Коллингвуда и Дрея, но когнитивный элемент исторической реконструкции вытесняется в 2000-е гг. вниманием к популярной культуре и медиа.

Исследования реконструкции и *memory studies*: отличия темпоральных установок

Ряд современных российских исследователей рассматривают исследования реконструкции как часть широкого поля *memory studies* и «мемориальной культуры». Согласно этой точке зрения, «культурно-историческая реконструкция представляет собой отдельное направление мемориальной культуры», а «коммеморативные практики культурной реконструкции построены на культурно-исторической рефлексии времени (темпоральности) и осуществляются в контексте истории культуры, где важнейшим элементом выступает память, транслирующая аксиологические ряды, смыслы от поколения к поколению» (Божок 2013; Ярская-Смирнова, Божок, Зайцев 2020: 14). Показательно, что при таком подходе речь идет об «инверсии времени» в исторической реконструкции: «Инверсия времени раскрывает оценочную модификацию, взаимопроникновение прошлого, настоящего и будущего. <...> Прошлое как модус времени есть единственный материал для памяти, саморефлексии. При этом будущее втягивает в себя содержание прошлого и оживляет его»

(Ярская 2011: 20). Такое сближение исторической реконструкции и практик коммеморации предполагает их косвенное противопоставление академической историографии, ориентированной исключительно на прошлое, стремящейся избежать анахронизма и не работающей с будущим.

Согласиться с подобным подходом сложно по нескольким причинам. Так же, как различные направления историографии существенно отличаются в методологическом плане, не менее серьезными представляются отличия теоретических установок исследований реконструкции и *memory studies*.

Во-первых, для *memory studies* принципиально важен этический императив, предполагающий выстраивание границ между позициями жертв предельных исторически событий XX в., их сторонних наблюдателей и потомков (Margalit 2004). Эта этическая дистанция оказывается напрямую связана с признанием ограниченности нарратива и признанием травматических проблем репрезентации пограничного опыта (Мороз, Суверина 2014; Шнирельман 2021, 2023) – например, выживания в нацистских лагерях уничтожения или опыта жертв различных геноцидов. Для исследований же реконструкции значение имеют скорее эстетические приемы репрезентации, даже когда речь идет о проблематике геноцида, как в фильме Дж. Оппенхаймера «Акт убийства» (Boerman, Noordenbos 2023).

Во-вторых, исследования памяти ориентированы на рефлексивность субъекта, который задается вопросом о социально-культурных механизмах своей взаимосвязи с прошлым, а исследования реконструкции обращают внимание скорее на вещи в их материальности (при этом, впрочем, как убедительно показывает Марк Ауслэндер, эмоционально и эстетически сконструированное представление об «аутентичности» вещей не подвергается критической рефлексии²).

В-третьих, исследования памяти ориентированы на нарративы, в основе которых лежат рациональные суждения, соотносящие между собой политические, культурные и когнитивные установки. Исследования реконструкции эти установки используют, но ключевую роль в них играет аффективное отыгрывание, предполагающее слабую рефлексивность игровых практик и ограниченность суждений, которые подчиняются эмоциям и эстетическому опыту. Неразрывно связанные с игровой культурой, практики реконструкции всегда предполагают значительный элемент неопределенности – как по отношению к конкретному результату, так и ко времени целому.

Наконец, четвертым и, возможно, ключевым отличием исследований памяти и реконструкции представляется их отношение ко времени. Для исследований памяти это крайне важная проблема, оказывающаяся в центре размышлений А. Ассман, Ш. Каттаго, П. Рикера и многих других

ученых (Ассман 2017; Николаи 2020). В исследованиях, посвященных реконструкции, проблематика времени, напротив, обсуждается крайне редко. Например, в опубликованной издательством «Рутледж» антологии, посвященной анализу 47 ключевых понятий *reenactment studies*, нет статьи о темпоральности (The Routledge Handbook 2021). Кроме того, исследования памяти признают разрывы в истории – время здесь не линейно и не гомогенно. В исследованиях реконструкции же настоящее и прошлое легко стыкуются между собой благодаря эмоциям и желаниям акторов. И именно для достижения внешнего эффекта «реализма» темпоральные границы признаются здесь неопределенными, а не проясняются рефлексивно.

Подчеркнем, что такого рода неопределенность а) носит прагматический характер; б) сводит к минимуму диахронию. В этом смысле темпоральность исторической реконструкции можно сравнить с временем обмена, о котором пишет Н.В. Ссорин-Чайков в своей работе по антропологии времени. Напомним, исследователь противопоставляет модальности универсального диахронического изменения и обмена, предполагающего равенство во времени: «Либо время универсально, либо специфично для каждой конкретной культуры. Либо есть общее истинное время, либо этих истин много, но каждая истина представляет собой изолированную социокультурную территорию. Это, вне сомнения, множественность (множество), но состоящая из совокупности или суммы сингулярностей, – культур – как своеобразных отдельных планет или островов, где время организовано и течет по-разному» (Ссорин-Чайков 2021: 84). «Отношения обмена являются отношениями идентичности (одна темпоральность равна другой: рыночное время = время дара зерна = дар времени), в которой тем не менее сохраняются различия между этими темпоральностями» (94). С этой точки зрения, обмен выстраивается не как универсальная синхронизация по строгим правилам, но как ситуативное согласование отличающихся позиций, определенного баланса между которыми нет; однако такое отношение каждый раз устанавливается заново в результате новых переговоров. В схожем ключе в современной исторической теории обсуждается понятие анахронизма не как «ошибки» историка, переносящего современные представления на прошлое, но как ситуативное согласование позиций, предполагающее равенство во времени и неустранимость темпоральных различий (Бевернаж 2016).

С учетом подобной оптики можно предположить, что в рамках *memory studies* выработаны определенные правила, согласно которым европейская культура памяти (как наиболее рациональная) выступает «эталоном», а остальные сообщества оказываются на разных стадиях приближения к ней. Исследования, обращенные к реконструкции, чаще

оперируют образом универсальной популярной культуры, которая отменяет любые иерархии. Такая отмена иерархий делает ненужным когнитивный компонент (важный для экспертов и служителей культуры памяти, как убедительно показал Я. Ассман). Именно это нивелирование когнитивной составляющей в сочетании с игровым характером популярной культуры определяет неопределенность темпоральных границ и в самой исторической реконструкции, и в *reenactment studies*, максимально уравнивающих исследователя с участниками реконструкторских практик.

Заключение

Безусловно, предлагаемое сравнение исследований памяти и реконструкции не предполагает их радикального противопоставления: их во многом сближает ориентация на презентизм и ревизию академической историографии. Важно показать, однако, что различия между ними не менее существенны и затрагивают целый ряд теоретических установок, включая неопределенности темпоральных границ, которые *memory studies* стремятся прояснить, а *reenactment studies* – использовать и эстетически обыграть.

Таким образом, исследования реконструкции интересны не просто сами по себе или как одно из проявлений современной «мемориальной культуры». Их сравнение с *memory studies* позволяет обозначить два взаимосвязанных тренда, явно отличающихся от установок академической историографии. Во-первых, это ослабление когнитивного компонента и подчинение его популярной культуре – преобладание аффективного отыгрывания над рефлексивной проработкой прошлого. Во-вторых, эксплуатация неопределенности темпоральных границ между настоящим и прошлым. И если к большинству междисциплинарных «поворотов» на протяжении XX в. историки относились скорее с оптимизмом (хотя и не без настороженной критики), то диалог с исследованиями реконструкции может быть перспективным лишь при условии существенной ревизии указанных установок и повышении в *reenactment studies* роли когнитивного компонента.

Примечания

¹ В.И. Горбачев насчитывает на 2020 г. более 300 работ, посвященных этой проблематике. См.: (Gorbachev 2020).

² Подробнее см.: (Auslander 2013).

Список источников

Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

- Бевернаж Б.* Аллохронизм, равенство во времени и современность: критика проекта радикальной современности Йоханнеса Фабиана и доводы в пользу новой политики времени // Социология власти. 2016. № 2. С. 174–202.
- Божок Н.С.* Движение исторической реконструкции как феномен молодежной культуры : дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2013.
- Клюев А.И., Свешиников А.В.* Движение исторической реконструкции – от хобби к бизнесу // Неприкосновенный запас. 2018. № 1. С. 187–201.
- Клюев А.И., Свешиников А.В.* Дискурсивная идентичность современного исторического реконструктора (на материале медиевальных клубов исторической реконструкции) // Диалог со временем. 2019. № 66. С. 120–136.
- Колесник А.С., Русанов А.В.* Наследие-как-процесс: дискуссии о концепте культурного наследия в современных социальных и гуманитарных науках // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2022. Т. 58, № 3. С. 58–69.
- Коллингвуд Р.Дж.* Идея истории. Автобиография / пер. с англ. Ю.А. Асеева. М.: Наука, 1980.
- Мороз О., Суверина Е.* Trauma studies: история, репрезентация, свидетель // Новое литературное обозрение. 2014. № 1. С. 59–74.
- Мочалова М.А.* Как говорить о нематериальном культурном наследии // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 298–304.
- Николаи Ф.В.* Призраки презентизма: от этики памяти к политике времени // Новое литературное обозрение. 2020. № 5. С. 378–386.
- Репина Л.П.* Память и наследие в «крестовом походе» против истории, или Рождение «мемориальной парадигмы» // Уральский исторический вестник. 2021. № 2. С. 6–16.
- Скорин-Чайков Н.В.* Антропология времени: очерк истории и современности // Этнографическое обозрение. 2021. № 6. С. 83–103.
- Шнирельман В.А.* Травматическая память: подходы к изучению и интерпретации // Сибирские исторические исследования. 2021. № 2. С. 6–29.
- Шнирельман В.А.* Социальная травма и особенности памяти // Этнографическое обозрение. 2023. № 1. С. 5–10.
- Ярская В.Н.* Инверсия времени как механизм памяти в контексте культуры // Власть времени: социальные границы памяти / под ред. В.Н. Ярской, Е.Р. Ярской-Смирновой. М., 2011. С. 11–24.
- Ярская-Смирнова В.Н., Божок С.Н., Зайцев Д.В.* Инверсия темпоральности в коммеморации культурно-исторической реконструкции // Человек и культура. 2020. № 5. С. 11–24.
- Agnew V.* What is Reenactment Studies // The Routledge Handbook of Reenactment Studies: Key Terms in the Field / ed. by V. Agnew, J. Lamb, J. Tomann. L.; N.Y.: Routledge, 2019. P. 1–10.
- Amster M.H.* A Pilgrimage to the Past Civil War Reenactors at Gettysburg // Reflecting on America: Anthropological Views of US Culture / ed. by C.L. Boulanger. N.Y.: Routledge, 2016. P. 15–27.
- Auslander M.* Touching the Past: Materializing Time in Traumatic “Living History” Reenactments // Signs and Society. 2013. Vol. 1, No. 1. P. 161–183.
- Boerman C., Noordenbos B.* Performing Violence Trauma and Reenactment in Documentary Film // Reenactment Case Studies: Global Perspectives on Experiential History / ed. by V. Agnew, J. Tomann, S. Stach. L.; N.Y.: Routledge, 2023. P. 308–332.
- Dray W.H.* History as Re-Enactment: R.G. Collingwood's Idea of History. Oxford; New York: Oxford University Press, 1995.
- During S.* Mimic Toil: Eighteenth-Century Preconditions for the Modern Historical Reenactment // Historical Reenactment: From Realism to the Affective Turn / ed. by I. McCalman, P.A. Pickerin. L.: Palgrave Macmillan, 2010. P. 180–199.
- Gorbachev V.I.* Researching Simulations of the Past: Historical Re-Enactment as an Academic Discipline // История: факты и символы. 2020. № 3. С. 124–135.

- Historical Reenactment: From Realism to the Affective Turn / ed. by I. McCalman, P.A. Pickering. L.: Palgrave Macmillan, 2010.
- Lamb J. The Evolution of Sympathy in the Long Eighteenth Century. N.Y.; L.: Routledge, 2009.
- Margalit A. The Ethics of Memory. Cambridge; London: Harvard University Press, 2004.
- The Routledge Handbook of Reenactment Studies: Key Terms in the Field / ed. by V. Agnew, J. Lamb, J. Tomann. N.Y.; L.: Routledge, 2021.
- Vium C. Indigenous, I Presume? Unexpected Outcomes of Repatriation and Reenactments of Photographic Archives in the Upper Amazon // Reenactment Case Studies: Global Perspectives on Experiential History / ed. by V. Agnew, J. Tomann, S. Stach. L.; N.Y.: Routledge, 2023. P. 54–74.
- Werth B. The Body as Time Machine: Reenactment in Lola Arias's Documentary Performance // Reenactment Case Studies: Global Perspectives on Experiential History / ed. by V. Agnew, J. Tomann, S. Stach. L.; N.Y.: Routledge, 2023. P. 253–271.

References

- Assmann A. (2017) Raspalas' sviaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna [Ist die Zeit aus den Fugen? Aufstieg und Fall des Zeitregimes der Moderne]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian)
- Bevernage B. (2016) Allokhozizm, ravenstvo vo vremeni i sovremennost': kritika proekta radikal'noi sovremennosti Iokhannesa Fabiana i dovody v pol'zu novoi politiki vremeni [], *Sotsiologiya vlasti – Sociology of Power: Scientific and Sociopolitical Journal*, no. 2, pp. 174–202.
- Bozhok N.S. (2013) *Dvizhenie istoricheskoi rekonstruktsii kak fenomen molodezhnoi kul'tury*. Diss... k.s.n. [The historical reenactment movement as a phenomenon of youth culture. Dissertation of a candidate of sociological sciences]. Saratov.
- Kliuev A.I., Sveshnikov A.V. (2018) Dvizhenie istoricheskoi rekonstruktsii — ot khobbi k biznesu [The historical reenactment movement - from hobby to business], *Neprikosnovennyi zapas*, no. 1, pp. 187–201.
- Kliuev A.I., Sveshnikov A.V. (2019) Diskursivnaia identichnost' sovremennogo istoricheskogo rekonstruktora (na materiale medieval'nykh klubov istoricheskoi rekonstruktsii) [Discourse Identity of The Modern Historical Re-Enactor (On the Material of Medieval Clubs of Historical Reconstruction)], *Dialog so vremenem*, no. 66, pp. 120–136.
- Kolesnik A.S., Rusanov A.V. (2022) Nasledie-kak-protsess: diskussii o kontsepte kul'turnogo nasledii v sovremennykh sotsial'nykh i gumanitarnykh naukakh [Heritage-As-Process: The Concept of Cultural Heritage in Contemporary Social Sciences and Humanities], *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Istoriia*, Vol. 58, no. 3, pp. 58–69.
- Collingwood R.G. (1980) *Ideia istorii. Avtobiografiia* [The Idea of History. An Autobiography] / Translated from English by Iu.A. Aseev. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Moroz O., Suverina E. (2014) Trauma studies: istoriia, reprezentatsiia, svidetel' [Trauma studies: history, representation, witness], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 1, pp. 59–74.
- Mochalova M.A. (2020) Kak govorit' o nematerial'nom kul'turnom nasledii [How Can One Speak of Intangible Cultural Heritage?], *Siberian Historical Research – Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 298–304.
- Nikolai F.V. (2020) Prizraki prezentizma: ot etiki pamiati k politike vremeni [Ghosts of Presentism, From The Ethics of Memory to The Politics of Time], *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 5, pp. 378–386.
- Repina L.P. (2021) Pamiat' i nasledie v «krestovom pokhode» protiv istorii, ili rozhdenie «memorial'noi paradigmy» [Memory and Heritage in A Crusade Against History, Or The Birth of A “Memorial Paradigm”], *Ural'skii istoricheskii vestnik*, no. 2, pp. 6–16.

- Ssorin-Chaikov N.V. (2021) Antropologija vremeni: ocherk istorii i sovremennosti [The Anthropology of Time: History and The State of The Art], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 6, pp. 83–103.
- Shnirelman V.A. (2021) Travmaticheskaja pamiat': podkhody k izucheniiu i interpretatsii [A Traumatic Memory: How to Study and to Interpret It], *Siberian Historical Research – Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 6–29.
- Shnirelman V.A. (2023) Sotsial'naja travma i osobennosti pamiatii [Social Trauma and Specifics of Memory], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 5–10.
- Iarskaia V.N. (2011) Inversija vremeni kak mekhanizm pamiatii v kontekste kul'tury [Time inversion as a memory mechanism in the context of culture]. In: *Vlast' vremeni: sotsial'nye granitsy pamiatii* [The power of time: social boundaries of memory] / Ed. by V.N. Iarskaia, E.R. Iarskaia-Smirnova. Moscow, pp. 11–24.
- Iarskaia-Smirnova V.N., Bozhok S.N., Zaitsev D.V. (2020) Inversija temporal'nosti v kommemoratsii kul'turno-istoricheskoi rekonstruktsii [Inversion of Temporality in Commemoration of Cultural-Historical Reconstruction], *Chelovek i kul'tura*, no. 5, pp. 11–24.
- Agnew V. (2019) What is Reenactment Studies. In: *The Routledge Handbook of Reenactment Studies: Key Terms in the Field* / Ed. by V. Agnew, J. Lamb, J. Tomann. L., N.Y.: Routledge, pp. 1–10.
- Amster M.H. (2016) A Pilgrimage to the Past Civil War Reenactors at Gettysburg. In: *Reflecting on America: Anthropological Views of US Culture* / Ed. by C.L. Boulanger. N.Y.: Routledge, pp. 15–27.
- Auslander M. (2013) Touching the Past: Materializing Time in Traumatic “Living History” Reenactments, *Signs and Society*, Vol. 1, No. 1, pp. 161–183.
- Boerman C., Noordenbos B. (2023) Performing Violence Trauma and Reenactment in Documentary Film. In: *Reenactment Case Studies: Global Perspectives on Experiential History* / Ed. by V. Agnew, J. Tomann, S. Stach. L., N.Y.: Routledge, pp. 308–332.
- Dray W.H. (1995) *History as Re-Enactment: R. G. Collingwood's Idea of History*. Oxford, N.Y.: Oxford University Press.
- During S. (2010) Mimic Toil: Eighteenth-Century Preconditions for the Modern Historical Reenactment. In: *Historical Reenactment: From Realism to the Affective Turn* / Ed. by I. McCalman, P.A. Pickerin. L.: Palgrave Macmillan, pp. 180–199.
- Gorbachev V.I. (2020) Researching Simulations of the Past: Historical Re-Enactment as an Academic Discipline, *History: facts and symbols*, no. 3, pp. 124–135.
- Historical Reenactment: From Realism to the Affective Turn* / Ed. by I. McCalman, P.A. Pickerin. L.: Palgrave Macmillan, 2010.
- Lamb J. (2009) *The Evolution of Sympathy in the Long Eighteenth Century*. N.Y., L.: Routledge.
- Margalit A. (2004) *The Ethics of Memory*. Cambridge, L.: Harvard University Press.
- The Routledge Handbook of Reenactment Studies: Key Terms in the Field* / Ed. by V. Agnew, J. Lamb, J. Tomann. N.Y., L.: Routledge, 2021.
- Vium C. (2023) Indigenous, I Presume? Unexpected Outcomes of Repatriation and Reenactments of Photographic Archives in the Upper Amazon. In: *Reenactment Case Studies: Global Perspectives on Experiential History* / Ed. by V. Agnew, J. Tomann, S. Stach. L., N.Y.: Routledge, pp. 54–74.
- Werth B. (2023) The Body as Time Machine: Reenactment in Lola Arias's Documentary Performance. In: *Reenactment Case Studies: Global Perspectives on Experiential History* / Ed. by V. Agnew, J. Tomann, S. Stach. L., N.Y.: Routledge, pp. 253–271.

Информация об авторах:

НИКОЛАИ Федор Владимирович – доктор философских наук, доцент, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории социальной антропологии,

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: fvnik@list.ru

МАСЛОВ Артём Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий научно-исследовательской лабораторией социальной антропологии, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия). E-mail: maslovartem@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

Feodor V. Nikolai, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: fvnik@list.ru

Artem N. Maslov, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation). E-mail: maslovartem@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 19 января 2024 г.;
принята к публикации 03 марта 2024 г.*

*The article was submitted 19.01.2024;
accepted for publication 03.03.2024.*